

Х Р У П К И Й

М И Р

М Е Г А Н

М И Р А Н Д Ы

МЕГАН МИРАНДА

ВСЕ

ПРОПАВШИЕ

ДЕВУШКИ

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
М63

Megan Miranda
ALL THE MISSING GIRLS

Copyright © 2016 by Megan Miranda
Originally published by Simon & Schuster

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского Юлии Фокиной

Оформление серии Радия Фахрутдинова

Миранда, Меган.

М63 Все пропавшие девушки / Меган Миранда ; [пер. с англ. Ю. Фокиной]. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-095836-8

Николетте Фарелл двадцать восемь лет. Она работает психологом в Филадельфии и готовится к свадьбе. Десять лет назад ей пришлось бежать из родного городка, чтобы справиться с драмой — исчезла ее подруга Коринна, и ее так и не нашли.

Тревожный звонок брата заставляет Николетту вернуться домой. Ее отец, бывший преподаватель философии, теряет рассудок. Год назад его поместили в лечебницу, и вот он стал вспоминать о пропавшей девушке. Его полубезумными речами вновь интересуется полиция. Новые факты, новые подозреваемые, новые проблемы. Правда обязательно откроется, но будет ли готова к ней Николетта?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Фокина Ю., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-095836-8

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Моим родителям посвящается

Часть 1

ПУТЬ ДОМОЙ

Человек навсегда прикован к прошлому; как бы далеко и быстро ни бежал он — за ним тянется цепь.

Фридрих Ницше

Все началось с телефонного звонка, вроде бы самого обычного, из тех, на которые можно не отвечать. На прикроватном столике Эверетта зажужжал мобильник, экранчик показался слишком ярким в спальне с кассетными шторами и тонировкой оконных стекол второй степени защиты — от солнца и от города. Увидев имя, я отключила звук и перевернула телефон экранчиком вниз.

Но заснуть не смогла. Лежала и думала, что брату понадобилось в такую рань, да еще в воскресенье. Прокручивала варианты: папа; ребенок; Лора.

Встала, пошла на ощупь, пересчитала ладонями все острые углы, пока не нашарила выключатель. Босыми ногами ступила на холодный плиточный пол, опустилась на крышку унитаза, прижала телефон к уху. Ноги покрылись гусиной кожей.

В тишине ванной комнаты голосовое сообщение Дэниела зазвучало неестественно гулко: «Денег почти не осталось. Придется продать дом. Папа отказывается подписывать документы». Пауза. «Он плох, Ник».

Брат не просил помощи — это было бы слишком «в лоб». Не в нашем стиле.

Я нажала «удалить» и поспешила нырнуть в постель, к Эверетту, пока он не проснулся. Поспешила удостовериться, что он реален.

Позднее, уже у себя в квартире, просмотрела вчерашнюю почту и нашла письмо — «Ник Фарелл»; знакомый

почерк, синие чернила; но адрес писала другая рука и другими чернилами, более темными.

Папа давно перестал мне звонить. Телефоны его дезориентировали, удаляли от человека, которого он имел в виду. Даже если папа и помнил, чей номер набирает, стоило мне или брату ответить — и мы ускользали из его разума, становились бестелесными голосами в эфире.

Я вскрыла письмо — линованный листок из ежедневника, с потертými краями, буквы висят над линейками, самую малость клонятся влево, будто папа гнался за неуловимыми мыслями.

Никаких «Привет, Ник».

«Мне нужно с тобой поговорить. Об этой девушке. Я ее видел».

Никаких «Целую» или «До встречи».

Я перезвонила Дэниелу, не положив письма на стол. Оно так и дрожало в моих пальцах.

— Только что прочла твое сообщение. Еду домой. Что именно происходит?

День 1-й

Напоследок, перед укладкой вещей в багажник, я оглядела квартиру. Чемоданы у дверей; ключ в конверте на кухонном столе; полупустая коробка без крышки с вещами, которые я упаковала накануне вечером. Из кухни (без излишеств вроде обеденного стола) просматривалась вся квартира — пустая, голая, — и все-таки меня точило чувство, будто я что-то забыла.

Я собиралась в бешеной спешке: до конца учебного года — две недели, нужно было подчистить все хвосты и найти кому бы сдать квартиру на лето в субаренду. Ни минуты, чтобы остановиться, понять: я действительно это делаю. Я возвращаюсь. Туда. Про письмо Дэниел не знал. Он знал только, что я приеду и помогу, что у меня два месяца, а потом нужно будет вернуться к действительности.

Теперь квартира была практически пуста. Индустриальная коробка, холодная и безликая, ожидающая аспиранта средней степени ответственности; он проживет здесь до сентября. Пусть пользуется моей посудой; ее проще одолжить, чем упаковать. Футон я тоже оставила, потому что субарендатор об этом просил и потому что накинуд лишние пятьдесят долларов.

Прочие вещи — по крайней мере, те, что не лезли в машину, — отправила на склад. Вот она, моя жизнь, — запечатанный параллелограмм, набитый крашеной мебелью и зимней одеждой.

В дверь постучали. Пустота квартиры усилила звук, заставила меня дернуться. Для аспиранта слишком рано; аспирант явится через несколько часов, когда я буду в пути. Да и вообще — рано. Для кого бы то ни было.

Я пересекла узкую комнату, открыла дверь.

— Сюрприз, — сказал Эверетт. — Надеялся застать тебя, и вот — застал.

Он был одет для работы — элегантный костюм, стайлинг на волосах; одну руку держал за спиной. Благоухал кофе и зубной пастой, крахмалом и натуральной кожей, профессионализмом и результативностью. В руке за спиной у него оказался дымящийся пластиковый стакан с крышкой.

— Это тебе. На дорожку.

Я потянула носом.

— Ага, путь к моему сердцу.

Примостилась у разделочного стола, сделала большой глоток. Эверетт взглянул на часы, подмигнул.

— Хотел бы проводить тебя, но должен бежать. Ранняя встреча на другом конце города.

Я шагнула к нему для прощального поцелуя. Потянула его за локоть, когда он отстранился.

— Спасибо, Эверетт.

Он прижался лбом к моему лбу.

— Время быстро пролетит. Сама увидишь.

Я смотрела, как он длинным коридором шел к лифту — шаг четкий, размеренный, темные волосы касаются воротника. Он обернулся в тот самый миг, когда открылись двери.

— Осторожнее на дороге, Николетта.

Дверь закрылась. Реальность всего предстоящего отяжелела мои руки, наэлектризовала кончики пальцев.

Красные цифры часов, встроенных в микроволновку, менялись слишком быстро; я поежилась.

Из Филадельфии до Кули-Ридж девять часов езды, не считая торчания в пробках и остановок на перекус, туалет и заправку. А поскольку выехать у меня получится на двадцать минут позже, чем я обещала Дэниелу, перед глазами уже возникла картинка: брат сидит на крыльце, при моем появлении на немощеной дорожке начинает многозначительно притопывать.

Приставив чемодан к входной двери, я отправила брату эсэмэс-сообщение: «Выехала, но буду только в 3.30».

За чемоданами и коробками пришлось ходить два раза, а машина стояла за углом. Пробка уже формировалась, я слышала характерные звуки в отдалении — утробный гул шоссе, редкие сигналы клаксонов. Привычное сочетание. Я завела двигатель. Надо выпустить пар. Ладно, ладно, думала я. Телефон с подставки для стакана мигнул сообщением. Дэниел: «Папа ждет тебя к ужину. Не опаздывай». Как будто я могла явиться тремя часами позже, чем обещала. Одно из самых впечатляющих умений Дэниела; в пассивно-агрессивных эсэмэсках он достиг немислимого совершенства. Многолетняя практика!

* * *

Девочкой я полагала, что умею предсказывать будущее. Пожалуй, в этом был виноват папа — это он перегружал мое детство банальностями из лекций по философии, он позволял верить в такое, чего быть не могло. Я закрывала

глаза и загадывала. Визуализировала. Я видела Дэниела в берете с квадратным верхом и в академической мантии, а рядом с Дэниелом — улыбающуюся маму. Я видела их через линзу фотоаппарата, я махала им — «Ближе, станьте ближе. Дэн, обними маму. Как будто ты любишь ее, а она — тебя. Отлично». Я видела себя и Тайлера бросающими сумки в багажник заляпанного грязью пикапа. Потому что мы с Тайлером уезжали. В колледж. Насовсем.

Мне тогда и не снилось, что «уехать насовсем» — это не прогулка в пикапе; что это — эксцизия длиной в десять лет. Мили и годы, смягчающие удаленность. Не говоря уж о том, что Тайлер так и остался в Кули-Ридж. А Дэниел не получил диплом. А мама не успела огорчиться из-за этого, потому что умерла.

Если сравнить мою жизнь с лестницей, то Кули-Ридж — нижняя ступенька; Кули-Ридж, городишко у подножия Грейт-Смоки-Маунтинс. Воплощение того, что принято называть Американским Городком — минус пресловутый шарм. Всякое другое место — абсолютно любое — казалось следующей ступенью, на которую я со временем обязательно поднимусь. Колледж двумястами милями восточнее; аспирантура одним штатом севернее; практика в городе, где я поселилась, чтобы остаться. Квартира, арендованная на мое имя; табличка на моем личном столе — и Кули-Ридж как точка отсчета. Дальше; еще дальше.

Но вот что я поняла про «уехать насовсем»: вернуться не получится. Я не знаю, что дальше делать с Кули-Ридж, а Кули-Ридж не знает, что делать со мной. Годы лишь увеличивают расстояние.

Как ни стараешься вернуть все в фокус, почти никогда не получается. Эверетт просил: «Расскажи о своем доме, расскажи, как ты росла, расскажи о семье», — а перед моим мысленным взором неизменно возникала карикатура. Городок-игрушка с плаката из тех, которые ставят на въезде. Застывший миг. Я перечисляла факты: «Мама умерла,

когда мне было шестнадцать; город — он маленький, расположен возле леса; у меня есть старший брат».

Даже на мой взгляд, звучало бедно и плоско. Не ответ, а поляроидный снимок — мутнеющий, выцветающий с краев; контур города-призрака, населенного призраками.

А вот же: достаточно Дэниелу сказать по телефону: «Придется продать дом», — и у меня земля из-под ног плывет. Достаточно ответить: «Еду домой» — и по застывшему снимку, начиная с краев, идет рябь, и цвета оживают. Мама прижимается щекой к моему лбу; Коринна раскачивает кабинку чертова колеса — легонько-легонько, а кабинка-то на самом верху. Тайлер балансирует на древесном стволе, что повалился через реку, мостом вытянувшись между нами.

«Об этой девушке», — написал папа; и вот ее смех смущает мое сердце.

* * *

«Мне нужно с тобой поговорить. Об этой девушке. Я ее видел».

Через час, а может, и через миг папа, наверное, забыл о письме. Отложил запечатанный конверт, и чужие руки нашарили его на тумбочке, или под подушкой, и нашли мой адрес в личном деле. Но что-то ведь послужило толчком. Какое-то воспоминание. Идея, затерянная в синапсах папиного мозга; вспышка-мысль, которой нет выхода.

Вырванная страница, почерк с наклоном, мое имя на конверте...

И вот некий осколок, что давно засел у меня в голове, срывается с места. Ее имя — как эхо, терзающее того, кто заперт на дне ущелья.

Коринна Прескотт.

Папино письмо, в сложенном виде, в моей сумочке. На моей подкорке. В последние недели, стоило сунуть руку

в сумку за ключом, я натыкалась на конверт, на острый угол конверта, и видела ее всю: бронзовые волосы ниже плеч, запах мятной жвачки, шепот на ухе.

«Об этой девушке». За глаза Коринну называли «этой девушкой». Ясно, что папа имел в виду именно ее.

Последний раз я ездила домой на машине больше года назад. Дэниел позвонил и сказал, что папу нужно устроить в заведение. У меня не было денег на авиабилет — когда покупаешь не заранее, получается дорого, и я такого себе позволить не могла. Дождь шел почти всю дорогу, и на обратном пути тоже.

Зато сейчас погода идеальная. Сухо, облачно, но не мрачно. Свет мягкий, не слепящий. Три штата я проехала без остановок, названия городов изглаживались из памяти, стоило их миновать. Метафора всего, что мне нравилось в Филадельфии. Ритм: можно раздробить день на список дел, контролировать часы, склонять их к своим желаниям. Нетерпеливость кассира в круглосуточном магазине за углом; его привычка глядеть в кроссворд, избегать визуального контакта. Анонимность всего и вся. Поток пешеходов, которых видишь в первый и в последний раз; поток веро-
ятностей.

Проезд через эти три штата по духу напоминал жизнь в большом городе. Только первая часть пути всегда намного быстрее второй. Чем дальше на юг, тем реже города; однообразие пейзажей вселяет уверенность, что катишь по заколдованному кругу: это уже проезжала, и это, и это тоже. Тысячу раз.

На территории Виргинии зазвонил сотовый. Я пошарила в сумочке, удерживая руль одной рукой; «хендз-фри» не нашла, плюнула, нажала «ответить».

— Алло!

— Привет! Слышишь меня?

Голос Эверетта. Слишком резкий. То ли по громкой связи говорит, то ли с рецепции.